

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ: феноменология кризиса

Наталья Евгеньевна Хагурова,
преподаватель Кубанского аграрного университета, г. Краснодар

В течение последних двух столетий меняется важнейшая сфера человеческой жизни — семейно-брачные отношения. Уменьшаются размеры семьи. Получает распространение планирование семьи — сокращение количества детей либо вообще отказ от деторождения. Происходит смена традиционных гендерных ролей, полный или частичный отказ от патриархальной модели — и в отношениях между мужем и женой, и в отношениях между детьми и родителями, включая взрослых детей и престарелых родителей. Растёт терпимость в отношении разводов, распространено внебрачное сожитие. Мало кого удивляют «супруги» с нетрадиционной ориентацией.

• семья • дети • развод • рождаемость • трансформация семьи

Таковы тенденции развития (или, скорее, регресса) института семьи. Всё это протекает под эгидой толерантности, защищающей права личности на самоопределение — не важно, с кем человек спит и как планирует количество детей, лишь бы человек был хорошим. И не курил в общественных местах.

Ещё одна тенденция — достижения современной медицины в области репродуктивных технологий. А. Тоффлер ещё в 1969 г. назвал её «наиболее очевидной силой, вероятно, могущей разрушить семью в ближайшие десятилетия»¹.

Достижения науки и техники способны в пределах короткого времени разрушить ортодоксальные представления о семье и её предназначении. С рациональной точки зрения очень выгодно и для родителей, и для общества планировать пол, внешние

данные и даже интеллект потомков. Тоффлер предполагает, что эмбрионы можно будет купить, вырастить полностью в искусственной среде, освободив женщину от физиологических неудобств, и даже заказать эмбрион из генетически лучшего материала, чем свой собственный.

Какие изменения ждут при этом женщину, теряющую ореол святости чадородия, воспетый в культурах и Востока и Запада? Очевидно, многим женщинам придётся распрощаться с возможностью удовлетворения творческих потребностей через рождение детей. Между родителями и детьми, скорее всего, будет не биологическая, а юридическая связь. То есть можно будет купить ребёнка на своё имя, а можно сразу же купить внука от имени ребёнка. Пока многое из предполагаемого ещё остаётся уделом будущего, хотя и не очень далёкого. Технологические достижения внедряются в повседневную жизнь быстрее, чем мы в состоянии оценить последствия их применения.

¹ Тоффлер А. Футурошок. СПб, 1997. С. 188.

Причин изменений семейно-брачных отношений много. В первую очередь это индустриализация, которая сняла с семьи её производительную функцию, а развитие инфраструктуры — магазины, общественное питание, готовая одежда, прачечные — значительно поколебало приоритет семьи в бытовом обслуживании. Существенным фактором стало активное вовлечение женщины в экономическую жизнь, подарившее ей независимость от мужчины. Политолог Джеймс Курц замечает: «Величайшим перемещением второй половины XIX века было перемещение мужчин с полей на фабрики. Величайшим перемещением второй половины XX столетия стало перемещение женщин из дома в офисы... Это перемещение отделило родителей от детей, а также позволило женщине отделиться от мужа»².

Немаловажную роль сыграла государственная политика поддержки материнства и детства, а также нетрудоспособных членов семьи. Например, самые некрепкие семьи в Швеции, где государство активно поддерживает матерей-одиночек, создаёт доступные воспитательные детские учреждения, предоставляет льготы. Шведы вправе надеяться на то, что государство поможет им вырастить и выучить детей, обеспечит их достойной медицинской помощью, поддержит после ухода на пенсию, а когда придёт день, оплатит их похороны. 50% шведских детей рождены вне брака.

Значительное уменьшение рождаемости связывают с рядом факторов. Это и отпадение необходимости в большом количестве детей как «рабочих рук» в доиндустриальных обществах, и возникновение эффективных методов контрацепции, и увеличение затрат на воспитание и обучение ребёнка в новых экономических условиях. В меньшей степени это вопрос изменившихся жизненных планов родителей, стремления сделать карьеру и геодонистической направленности общества изобилия.

² Цит. по: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003. С. 53–54.

Большая семья перестала быть нормой, и подчас родители в такой семье становятся объектами шуток и настороженного отношения окружающих, подозревающих их в глупости, распущенности или желании получить квартиры и пособия от государства. Под вопрос поставлена возможность эффективной социализации детей из многодетных семей. Например, В.В. Солодников классифицирует многодетную семью как социально дезадаптированную. Ссылаясь на данные отечественных и западных исследователей, он отмечает худшие жилищные и материальные условия проживания таких семей, включая стартовые условия для взрослых детей. Обзаводиться большим количеством детей склонны родители (речь идёт о женщинах) с невысоким уровнем образования и низкой самооценкой. На успехи детей лучше влияют работающие высококвалифицированные матери, чем домохозяйки.

Дети из многодетных семей чаще болеют хроническими и простудными заболеваниями, чаще употребляют алкоголь и курят. У таких детей заниженная самооценка, плохая успеваемость в школе, хуже развиты мышление и речь по сравнению со сверстниками из малодетных семей. Поступающих в вузы единственных детей на 30% больше, чем абитуриентов из семей с тремя и более детьми. Всё это не позволяет считать многодетную семью прогрессивным явлением³.

Низкая рождаемость связана с неустойчивостью современных браков. Насколько серьёзным стал этот вопрос, можно судить по появившемуся в научной литературе обороту: растянутая во времени полигамия. Ставшие обыденной практикой разводы объясняются, с одной стороны, упрощившейся процедурой, терпимостью к разводам со стороны общества и растущей на протяжении длительного времени секуляризацией. Брачные отношения и отношения между полами всё меньше испы-

³ Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб., 2007. С. 164–185.

тывают на себе влияние религиозных запретов и предписаний. Из брака стремительно уходит не только святость, но и терпимость, и самоотверженность христианского брака. С другой стороны, современный развод зачастую связан со стремлением прекратить не приносящие больше радости отношения и вступить в новые.

Оценки трансформации семьи разнообразны. На одном полюсе — трактовка изменений как необходимого и закономерного этапа развития, адаптационного механизма, запущенного новой эрой технологических изменений; на другом — трансформация рассматривается как регрессивный процесс, приводящий к утрате человечности в человеке.

Яркий сторонник первой точки зрения, один из крупнейших социологов современности Энтони Гидденс, анализируя тенденции развития межполовых отношений, фиксирует кардинальные изменения. И они касаются не только брака, но и сексуальной активности вообще. В традиционных обществах мотивы вступления в брак носили экономический, а иногда политический характер. Среди бедняков брак был средством организации аграрного труда. Вряд ли жизнь, наполненная непрерывным тяжёлым трудом, могла направляться страстью. Брак, по мнению Гидденса, не был ареной для развития любовных отношений. Кроме двойного стандарта в поведении мужчин и женщин, терпимого отношения к адюльтеру со стороны мужчины, существовала разделяемая всеми членами общества дифференциация женщин на чистых (состоящих в браке, пригодных для него) и нечистых (проституток, наложниц, колдуний). Половые различия считались заданными Богом, а женские желания — тёмными и нечистыми. Идеалы любви, специфические для Европы, складывались под влиянием моральных ценностей христианства. С конца XVIII века начинают складываться представления о романтической любви, инкорпорированной и эти идеалы, и элементы страстной любви. Эти представления тиражировались и развивались посредством литературы. Романы были первой формой литературы, достигшей масс. Под их влиянием при буржуазном порядке представления о романтической любви захватило многие стороны жизни. Романтика стала синонимом ухаживания, а брачные отно-

шения вычленились из более широких родственных связей. Формирование брачных уз основывается на этих представлениях. Мужья и жёны стали рассматриваться как сотрудники в совместном предприятии, это сохраняло свою первичность даже над обязательствами по отношению к их детям. Понятие «дома» приобретает отдельное бытие, как особая среда, отделённая от работы. Исчезла необходимость иметь большую семью — ей на смену пришла тенденция к ограничению размеров семьи и довольно жёсткими способами. Вместе с появлением современных методов контрацепции всё это «поместило палец на исторический спусковой крючок именно в том, что было связано с сексуальностью». «Впервые для массовой популяции женщин сексуальность оказалась оторванной от хронического круга беременности и родов»⁴. Освобождённая сексуальность становится всецело качеством индивидов и их транзакций. Пластичная сексуальность (термин Э.Г.) формируется как характерная черта индивидуальности. Она активно участвует в создании чистых отношений (термин Э.Г.) не имеющих ничего общего с пуританизмом. Это отношения ради самих отношений, ради того, что может быть извлечено каждой личностью из ассоциации с другой. Помимо гетеросексуального брака, они возникают и в других контекстах сексуальности. Очевидно, что Гидденс интерпретирует современное состояние общества как некий «золотой век» отношений.

Кардинально противоположную оценку состояния семейно-брачных отношений даёт американский политик, советник президентов Р. Рейгана и Р. Никсона Патрик Джордж Бьюкенен, назвавший свою работу «Смерть Запада» «отчётом патологоанатома». Бьюкенен утверждает, что начиная с 1960 годов развитие

⁴ Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. С. 53.

страны стремительно вымирают: «Нынешний кризис грозит уничтожить Западную цивилизацию. Сегодня в семнадцати европейских странах смертность значительно превышает рождаемость, гробы в них требуются куда чаще, чем колыбели. Католики, протестанты, православные — все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации»⁵. Низкий уровень рождаемости сопровождается старением населения, и указанные страны скоро превратятся в сообщества пенсионеров. Например, в одной из самых развитых стран Японии средний возраст — 41 год, и в дальнейшем он будет только увеличиваться. К демографическим проблемам добавляются потоки иммигрантов из менее развитых стран, которые не торопятся ассимилироваться с коренным населением, сохраняя свои обычаи и образ жизни. Главная причина вымирания — изменения «в сердцах и умах» западных мужчин и женщин. Перемены начались, когда в детородный возраст вступило поколение беби-бумеров, родившиеся после окончания Второй мировой войны. Эти дети росли в атмосфере экономического благополучия и обладали гораздо большей свободой в выборе жизненного пути, чем их родители. Взрослея, они проводили перед телевизором больше времени, чем в школе, интенсивно впитывая новые стандарты потребления. «Общим у беби-бумеров на разных континентах было воспитание, взращённое изобилием свободомыслия — и пример телевидения; в детстве у всех была телевизионная нянька, с которой было куда интереснее, чем с родителями. А у этой няньки...всегда один ответ на любые просьбы: «Хочешь — бери!»⁶.

Молодые люди с энтузиазмом восприняли критику основ западной культуры: христианства, капитализма, авторитета семьи, патриархата, иерархической структуры, традиции, сексуальных ограничений, верности, патриотизма, национализма, этноцентризма, конформизма и консерватизма. Молодёжная

⁵ Бьюкенен П. Дж. С. 22.

⁶ Там же. С. 50.

контркультура противопоставила им ценности сексуальной свободы, альтернативного духовного опыта, в том числе связанного с применением наркотиков, ценности анархизма и свободы от любых догм.

К нежеланию «жить по заветам отцов» добавилась услужливая рыночная экономика: новые противозачаточные средства и многочисленные центры репродукции. С отмиранием прежних запретов возникла новая мораль, оправдывающая «жизнь для себя». Разрушение самих оснований для любых нравственно-этических систем и постановка на их место свободы самовыражения и неограниченного стремления к комфорту, по мнению Бьюкенена, разрушило западный мир. Коллапс института семьи обусловлен смещением образа мышления от христианских ценностей — жертвенности, альтруизма, верности — к воинствующему мирскому индивидуализму, сфокусированному исключительно на себе.

К сожалению, человек не идеален. При формальном отношении к любым ценностям они теряют своё внутреннее глубинное содержание и значимость и подчас становятся средством манипуляции и угнетения. Классическая русская литература оставила нам немало свидетельств подобной формализации христианства. Превращение веры из внутреннего состояния души во внешние обряды отразилось и на семейной жизни. Изъятие из семьи отношений, основанных на любви, выводит на передний план отношения, основанные на иерархии. П.И. Мельников-Печерский в романах «В лесах» и «На горах», написанных в результате многолетнего исследования русского старообрядчества изображает подлинную драму: старый отец отбирает у сына невесту и покупает её у родителей за паромод! О трагичности и пустоте семейных отношений без любви, когда главным становится подчинение, много писали Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Г.И. Успенский, М. Горький.

В разрушении религиозности российского общества часто обвиняют революцию. Отчасти это так. Но, ссылаясь на русских литературных классиков, повторим — кризис религиозности и государственности начался задолго до революции. «Жизнь одной бабы» Н.С. Лескова, «Яма» А.В. Куприна и «Крейцера соната» Л.Н. Толстого не были написаны под диктовку вождей революции. При всей неоднозначности оценок значения революции, несомненно одно — она предложила спектр идеалов ценностей, выходящий за рамки личного благополучия и эгоизма. И она предлагала не просто умирать за идею, а жить и строить.

В первые, особенно тяжёлые годы новой власти с энтузиазмом расчищалась площадка под строительство нового пролетарского общества. Что нужно строить на этой площадке, было определяемо довольно смутно, зато было ясно, что ломать. Среди интеллигенции сложился слой авангардистов, выступающих за тотальную революцию: и в мире искусства, и в способах и методах усвоения ценностей, и в образовании, и в сфере социальных отношений. Переделать следовало всё: словесность: «Академия и Пушкин непонятнее гieroглифов» (Бурлюк, Крученых, Маяковский, Хлебников), образование: отменить учебники, классно-урочную систему, да и самого учителя в его «буржуазном» понимании (Отдел реформы школы Наркомпроса), и конечно, перекроить семейные отношения.

Жаркие споры по организации «полового» вопроса отразила довольно откровенная литература того времени. Произведения А. Коллонтай «Любовь пчёл трудовых», Н. Брыкина «Собачья свадьба», П. Романова «Без черёмухи», «Большая семья», С. Малашкина «Луна с правой стороны», Л. Гумилевского «Собачий переулочек», роман Ф. Гладкова «Цемент» вызвали небывалый интерес читателей не художественными достоинствами, а злободневностью обсуждаемой темы. Как примирить свободную любовь с нормальными человеческими отношениями? Где граница между личным и общественным? Например, героиня романа «Цемент» Даша Чумалова из жены и хозяйки превратилась в общественную деятельницу. Она отвергает вернувшегося с фронта мужа, отстаивает свою самостоя-

тельность и свободу в отношениях, а дочь сдаёт в дом малютки.

Критика и читатели встретили роман с недоумением: «Образ женщины мало удаётся нашим писателям. Принято считать, что отличительной особенностью новой женщины является её смелое, если не сказать лёгкое поведение, внешняя грубость и бесцеремонность. Вот приблизительный портрет этой женщины: она курит папиросы, носит шапку набекрень, ходит в истоптанных сапожищах, считает материнство предметом лишним, противоречащим основам ленинизма. По образу и подобию сей женщины вылеплены многие героини современных романов. Разве Даша Чумалова с её грубым поведением и схематизирующим рационализмом является типом новой женщины?»⁷.

Уже к концу 1920-х годов «старшие товарищи» начинают резко осаживать революционеров «полового вопроса». Чересчур откровенные произведения изымаются из продажи и библиотечных фондов, осуждаются как «клевета и поклеп на советское студенчество» на комсомольский судах и на страницах молодёжных журналов. Страна взяла курс на крепкую семью. С анархией и неопределённостью нужно было покончить. Интересны в этом отношении половые заповеди пролетариата, разработанные А.Б. Залкиндом:

«Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата.

Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (т.е. в 20—25 лет).

⁷ Беккер М. О новых произведениях пролетарских писателей. Молодой большевик. 1928. № 11—12. Цит. по А.М. Пушкарёв «Новый быт» идеологические интерпретации сексуального. Журнал исследований социальной политики. 2007. № 4. С. 465.

Половая связь — лишь конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви... Половое влечение к классово враждебному, морально противоположному, бесчестному объекту является таким же извращением, как и половое влечение человека к крокодилу или орангутангу.

Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих любящих. Социально-классовое впереди животного. А не наоборот.

Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена, один муж).

При всяком половом акте всегда нужно помнить о возможности зарождения ребёнка — и вообще помнить о потомстве.

Не должно быть половых извращений. 1–2% современных половых извращений — действительно внутрибиологического происхождения, остальные же представляют собой благоприобретённые условные рефлексы... Всеми силами класс должен стараться вправить извращённого в русло нормальных половых переживаний»⁸.

К 1930 годам в стране в целом складывается новая идеологическая позиция — некий жизнеутверждающий классицизм, обновлённый новым содержанием и транслируемый с помощью методов соцреализма в искусстве. Пора было переходить от слома к ускоренному строительству. Для всех возрастных групп, начиная с октябрят, доминирующим чувством должно было стать чувство сопричастности судьбе своей Родины и ответственность за неё. И задачей советской семьи было рука об руку строить общий со своими согражданами большой дом.

Не касаясь подробно отображения семьи в искусстве, упомянем лишь один художест-

⁸ Цит. по: Солонников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб.: Директ. 2007. С. 23–24.

венный фильм, в котором задача изображения идеала советской семьи выполнена полностью — фильм «Офицеры». Герои фильма — красный командир, его утончённая, свободно говорящая по-французски жена и друг, влюблённый и по рыцарски верный своему идеалу всю жизнь. Их семейная история проходит на фоне истории страны: Гражданской и Великой Отечественной войн, разрухи, бытовых сложностей. Но они не сетуют, а живут вместе со страной: воюют, переезжают, учатся, растят сына, стоически терпят разлуку. Лишь в одном эпизоде прорывается недовольство жены очередным переездом. Но увидев свежий шрам от пулевого ранения на спине мужа, просто спрашивает: «Когда едем, Алеша?» И колесо истории не сломало их внутренней силы, не отдалило друг от друга, а только сплотило. Культивируемое чувство сопринадлежности общей судьбе помогало выдерживать неустроенный быт и ужас коммуналок.

Достаточно устойчивая советская семья начала постепенно разрушаться вслед за пошатнувшейся идеологией. С одной стороны 1950–1960 годы — время экономического подъёма, массового строительства жилья, появления бытовых приборов — холодильников и телевизоров. Начиналось освоение космоса, развивался советский спорт. Страна, измученная войной, залечивала свои раны. С другой стороны, хрущёвская оттепель — развенчание культа личности, сведение задач «социалистического строительства» к «догоним и перегоним Америку по мясу и молоку» резко ограничило сферу идеального. Изъятие, пусть и частичное, идеального, признание его заблуждением превратило язык идеологии в мёртвый язык, создало экзистенциальные «прорехи» в сознании.

Экзистенциальный кризис прекрасно отобразил в своих произведениях Василий Шукшин. Вместе с «глотком свободы» появилось оппозиция официальной идеологии. В повседневности это выразилось в первую очередь появлением стиляг — молодых

людей, не скрывающих своего интереса к западной культуре и протеста против культуры советской. Последующая реакция — «закручивание гаек» только ухудшила положение. По сути, жизнь советского человека разделилась на официальную и «кухонную». Начался массовый уход в альтернативные смысловые ниши: романтику дальних странствий, увлечение туристическими походами, бардовскими песнями, новой литературой, самиздатом. Значительная часть населения, не найдя смысловой опоры, устремилась в мещанство, вещизм, накопительство и прочие предтечи общества потребления. Распространяется практика поездки на заработки, остро встаёт квартирный вопрос. Терпеть аскетизм советского быта больше стало незачем.

Внутрисемейная повседневность замечательно отражена в комедии «По семейным обстоятельствам» (1977, реж. А. Коренев). Молодая пара в одной квартире с тёщей, ежедневные упрёки. Появление единственного ребёнка только усугубляет конфликт: никто не хочет поступиться своими карьерными амбициями ради присмотра за ним. У папы диссертация, у мамы исполнители, которые разбегутся, если она уйдёт в декрет, у тещи руководящая должность. На протяжении всего фильма каждый из героев воюет с домашними за «место под солнцем», не желая поступаться личными интересами, одновременно обвиняя близких в чёрствости и невнимательности. В одном из эпизодов соседский дедушка говорит, что всё теперь стало малогабаритным: квартиры, мебель, сердца.

Неудовлетворённость семейной жизнью, в которой, как и во всём остальном трудно достичь идеала, связана с усилением индивидуалистических позиций, трактовки жизненного пути как своего личного дела, серии мероприятий по обеспечению материального и психоло-

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

гического комфорта. Семья, любовь и дети стали средством обеспечения комфорта. А если они не отвечают этим задачам, то нужны ли они? Именно с 1960 годов неуклонно растёт число разводов и снижается количество детей. С тех пор ощутимых перемен к лучшему уже не происходило.

Сегодня не только снижение количества детей и рост разводов вызывают тревогу. Одной из форм кризиса становится потребительская деформация так называемой «нормальной» семьи: где есть оба родителя, где нет явной асоциальности, где о детях заботятся. Однако, забота главным образом сводится к заботам о материальной стороне: одежда, игрушки, гаджеты, отдых, в лучшем случае учёба, секции, кружки. При этом совместное времяпровождение превращается просто в совместное потребление — товаров, услуг, зрелищ. А находясь в одном физическом пространстве, члены семьи фактически пребывают каждый в своём информационном пространстве: папа в своём Интернете, ребёнок в своём, мама смотрит телевизор. Происходит виртуальная изоляция друг от друга. В культуре общества потребления, элиминирующей идеальное измерение человеческой жизни и ограничивающей человека рамками телесного и душевного комфорта, иначе и быть не может. С утратой идеального процесс расчеловечивания идёт по нарастающей. Ведь как справедливо показал Виктор Франкл, человек способен оставаться человеком до тех пор, пока у него есть смысл и идеалы, во имя которых он готов жить и за которые готов умереть. Будут ли они у поколения наших детей? **НО**